

Замѣтки къ разсказамъ Очевидца о Польской смутѣ.

I.

Послѣ похвалы прошедшей службѣ генералъ-адъютанта графа Ламберта и весьма неелестной характеристикѣ генералъ-адъютанта Герштенцвейга, обвиняемаго въ соперничествѣ, на весьма для насъ мало убѣдительныхъ основаніяхъ, несходствія въ воззрѣніяхъ по нѣкоторымъ вопросамъ воинской администраціи,—составитель разсказовъ о послѣдней Польской смутѣ рисуетъ яркую, но весьма печальную картину русскаго общества въ Варшавѣ и, между прочимъ, замѣчаетъ, будто графъ Ламбертъ, не найдя никого,—рѣшительно никого,—въ варшавскомъ русскомъ обществѣ, имѣя давнія причины не довѣрять Герштенцвейгу и не видя ни одного способнаго человѣка въ средѣ русскихъ генераловъ и высшихъ чиновъ,—смѣло принявъ вызовъ и рѣшился дѣйствовать одинъ.

Не буду останавливаться на мрачной картинѣ русскаго общества въ Царствѣ Польскомъ. Пришлось бы согласиться, что мастерскою кистью отмѣченъ весьма яркими красками нѣкоторыя темныя черты печальныхъ послѣдствій исключительнаго положенія нашего среди враждебнаго намъ народа. Справедливо-ли слишкомъ строго относиться къ малой горсти отверженныхъ, отъ населенія и образованнаго общества, людей, предъ которыми, въ буквальномъ смыслѣ слова, на-глухо заперты были всѣ двери и для которыхъ исключительно доступны оставались только входы въ мѣста, гдѣ соблазнъ и искушенія манили къ себѣ, жаждавшую развлечения, молодежь. Я далеко оправдывать то, что непохвально само по себѣ и предосудительно въ тѣхъ случаяхъ, когда на насъ обращено вниманіе недоброжелателей нашихъ, и въ мѣстахъ, гдѣ мы были представителями всего побѣдившаго народа; но случаи, присущіе всѣмъ временамъ, встрѣчающіеся всегда и вездѣ оплакиваемые, какъ частности, не могутъ вести къ безусловному осужденію; а потому неумолимый приговоръ Очевидца о цѣломъ обществѣ, на которое онъ обрушивается и всю вину постигшихъ насъ злополучій и графа Карла Карловича Ламберта несчастій, позволительно считать столько же незаслуженнымъ, какъ и несправедливымъ.

Не въ одной же Варшавѣ и Польшѣ были смуты и мятежи. Не въ каждомъ ли обществѣ есть люди, которыхъ можно въ чемъ-либо упрекнуть? Большій или меньшій упадокъ нравственнаго достоинства отдѣльныхъ личностей, если бы составлялъ исключительную принадлежность одного только варшавскаго русскаго общества, въ чемъ однако позволительно сомнѣваться,—то и въ такомъ случаѣ это печальное положеніе не могло бы окончателно повліять на успѣхи рѣшительною волею предпринятыхъ мѣръ. Вспомнимъ, что дѣлалось въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ въ то время, когда началось въ Варшавѣ революціонное броженіе умовъ и удичные безпорядки, а затѣмъ появились и шайки. И изъ Вильны доходили къ намъ неотрадныя вѣсти,—и тамъ дѣла наши шли не лучше польскихъ. И тамъ мятежь раздувалъ пламя и угрожалъ опасностію. Явился человѣкъ съ твердою волею и съ непоколебимою рѣшимостію. Онъ объявилъ чего хочетъ; указалъ что дѣлать, ободрилъ всѣхъ,—и наши люди, сѣмъ-жившіе исполнять его предначертанія; и наши дѣла немедленно

приняли счастливый оборотъ. Мятежъ подавленъ, и, когда водворилось спокойствіе, тогда началось умиротвореніе.

Неужели въ самомъ дѣлѣ въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не нашлись люди, какъ въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ, готовые положить и самую жизнь для исполненія своего долга? Подобное предположеніе противорѣчило бы всей исторіи русскаго народа. Люди, которые въ сознаніи своего долга и во исполненіе неоднократныхъ напоминаній одного за другимъ слѣдовавшихъ намѣстниковъ, умѣли владѣть собою, подавлять въ себѣ порывы возмущеннаго чувства обиженной чести и съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, чувствуя силу въ своихъ рукахъ, переносили кровныя обиды, безнаказанно имъ наносимыя, обезумѣвшими мятежниками;—такіе люди, конечно, обладаютъ нѣкоторыми добродѣтелями, ради которыхъ заслужили бы смягченія жестокаго надъ ними приговора Очевидца. Если-бы военнoслужащіе (я говорю только о военномъ варшавскомъ обществѣ) не обладали этими, присущими русскому человѣку, добродѣтелями, то Варшава и вся Польша давно бы обагрились кровью, и умиротвореніе края, поглощавшее всѣ думы намѣстниковъ, отъ этого сдѣлалось бы недоступнѣе, а нашъ споръ съ Польшею не могъ бы оставаться на той почвѣ, на которой мечтали удержать его люди, которымъ ввѣрена была судьба рѣшенія.

Не знаю, какою, по мнѣнію Очевидца, силу опоры и степень сопротивленія можетъ искать начальникъ въ своихъ подчиненныхъ? Это ближе всего можетъ опредѣлить нуждающійся въ опорѣ; а потому трудно сказать, въ какихъ именно людяхъ нуждался покойный намѣстникъ, гр. Ламбертъ. Нѣтъ сомнѣнія, что опоры съ сопротивленіемъ графъ Ламбертъ никогда въ русскомъ варшавскомъ обществѣ не встрѣтилъ бы. Были же среди этого общества люди, весьма близко къ графу поставленные, — люди, и теперь занимающіе видныя государственныя должности, управляющіе краями, въ которыхъ имя ихъ произносится съ признательностію. Не забудемъ, что рѣчь идетъ о царскомъ намѣстникѣ, облеченномъ всею силою монаршаго довѣрія и не нуждающемся въ посторонней опорѣ; не забудемъ также, что у насъ не начальникъ, а подчиненный, въ своемъ безсиліи, нуждается въ поддержкѣ, а въ простыхъ понятіяхъ солдата безусловная и точная его исполнительность есть вѣрнѣйшая опора силы и власти начальства. Не давали же въ нашемъ сѣверо-западномъ краѣ подчиненные покойнаго Муравьева ему свои непрошенные совѣты. Они, съ готовностію исполнить его распоряженія, неустрашимо пошли въ лѣса и болота, и тамъ сокрушили мятежъ.

Что происходило въ кабинетѣ намѣстника, какія думы занимали его и какіе пути умиротворенія избралъ онъ, — все это сошло для насъ въ преждевременную могилу вмѣстѣ со смертію графа Ламберта. Мы оставались въ прежнемъ мучительномъ ожиданіи; переносили, по прежнему, дерзкія обиды и по прежнему довѣряли.

Мы были только свидѣтелями начавшихся перемѣщеній лицъ, занимавшихъ среди насъ въ арміи самыя почетныя мѣста. Графъ-намѣстникъ, уполномоченный обширною властію, въ сознаніи своего права и необходимости призвать къ себѣ людей, способныхъ приводить въ исполненіе созрѣвавшіе въ головѣ его планы, не стѣснялся широкимъ употребленіемъ дарованной ему власти. Кто изъ современниковъ не помнитъ того безпокойства, какое охватило всѣхъ, когда, чуть-ли не каждый день, приносили отозваніе одного за другимъ и замѣщеніе ихъ новыми лицами, не ознакомившимися еще съ происходившими въ

Польшѣ дѣлами. Чувствительно было для войскъ 2-го армейскаго корпуса назначеніе генерала отъ инфантеріи Липранди членомъ военнаго совѣта въ такую минуту, когда въ воздухѣ носился запахъ пороха. Генералъ Липранди былъ человѣкъ твердой воли, пользовавшійся извѣстностью, въ бояхъ приобретенною. Присутствіе его при войскахъ въ Варшавѣ имѣло особое значеніе. Украшавшій грудь его орденъ св. Георгія 3-й степени, полученный имъ еще въ чинѣ полковника въ 1831 году, во главѣ Елецкаго полка, при штурмѣ Варшавы, служилъ Полякамъ живымъ напоминаніемъ ихъ же прошедшаго и краснорѣчивою угрозой, что рано-ли, поздно-ли, а все-таки русское мужество подавить мятежъ. За генераломъ Липранди послѣдовалъ генералъ-лейтенантъ Веселитскій, а вслѣдъ за нимъ другія смѣщенія и новыя назначенія. Перечислять ихъ слишкомъ долго: ихъ было весьма довольно, чтобъ обновить составъ командировъ частей.

Неужели Очевидцу, который знакомъ съ малѣйшими подробностями послѣдней Польской смуты, неизвѣстны эти перемѣщенія, обновившія личный составъ арміи и давшія графу-намѣстнику лицъ по его избранію? Неужели Очевидцу, черпавшему свои свѣдѣнія изъ самаго источника дѣлъ, неизвѣстно, кѣмъ замѣщенъ былъ генералъ отъ инфантеріи Липранди и кто именно былъ призванъ гр. Ламбертомъ занять мѣсто ближайшаго своего сотрудника — постъ корпуснаго командира? Трудно повѣрить, что-бы Очевидецъ не зналъ, что на мѣсто Липранди поступилъ генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, тотъ самый храбрѣйшій Степанъ Александровичъ Хрулевъ, про кого го Очевидецъ писалъ, что графъ Ламбертъ зналъ давно Хрулева и имѣлъ свои причины не спрашивать его совѣтовъ; тотъ самый Хрулевъ, о которомъ за его храбрость и проч. и проч. Очевидецъ, уважая изрѣченіе древнихъ: «о мертвыхъ или хорошо, или ничего», — великодушно полагаетъ, лучше вовсе не упоминать. Назначеніе Хрулева, портило-ли оно дѣло или служило ему, но, во всякомъ случаѣ, оно, какъ личный выборъ намѣстника, выражаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ степень опоры и мѣру сопротивленія, какія, повидимому, желалъ найти гр. Ламбертъ въ избираемыхъ имъ людяхъ.

Пока мы ожидали съ терпѣніемъ вѣрующихъ, Поляки не дремали и не бездѣйствовали. Они, какъ народъ искусившійся въ крамолахъ, прозрѣли, въ наступившей тишинѣ и кабинетной работѣ, преуготовавшуюся имъ опасность и пораженіе ихъ грезъ. Они, какъ испытанные въ народныхъ смутахъ, подавили на минуту разсѣдывавшіе ихъ раздоры, сплотились въ одно тѣло, управляемое одною невидимою волею, и понимая, что каждая выигранная минута есть лучшій союзникъ въ ихъ невѣрномъ дѣлѣ, — возстали съ новою дерзостію, превосходившею все предшествовавшее.

Мы также ожили; но вскорѣ опять сокрушились сердечно.

Не согласовавшіеся съ благородными намѣреніями графа-намѣстника удары, вынужденно направленные имъ поразить мятежъ въ самомъ его корнѣ, разстроившіе всѣ мирныя подготовленія, принимавшіеся къ возвращенію края путями добра и терпѣнія къ долгу и вѣрности, погасившіе въ графѣ-намѣстникѣ тлѣвшую еще въ душѣ его слабую искру надежды умиротворенія, — убійственно отразились на немъ самомъ. Графъ изнемогъ подъ собственными ударами, не перенесенными его добрымъ сердцемъ... и онъ палъ благородною жертвою самоотверженія, еще въ Петербургѣ пророчившаго ему, что въ Варшавѣ онъ сломитъ себѣ голову.

Александръ Ганъ.

II.

Авторъ статьи «о послѣдней Польской смутѣ», отвѣчая на мою замѣтку о генералахъ Герштенцвейгахъ, укоряетъ меня въ незнаніи дѣла, о которомъ говорю, и въ искаженіи истины.

По поводу кавалерійской академіи онъ говоритъ, что этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ 1852 году генераль-лейтенантомъ Броневскимъ, т. е. гораздо ранѣе указаннаго мною времени или окончанія восточной войны.

На это опроверженіе отвѣчу слѣдующее: генераль-лейтенантъ Броневскій предложилъ въ 1850 году (но не 1852 году) учредить для спеціальнаго образованія кавалерійскихъ офицеровъ школы при дивизіяхъ этого рода оружія. Предложеніе генераль-лейтенанта Броневского разсматривалось, по высочайшему повелѣнію въ особомъ комитетѣ, признавшимъ болѣе цѣлесообразнымъ—учредить одну общую школу для кавалерійскихъ офицеровъ, но не академію. Съ пользою имѣющей произойти отъ подобнаго заведенія не согласился графъ Никитинъ, бывшій инспекторъ резервной кавалеріи. Позднѣе, по поводу записки флигель-адъютанта Тетенборна, вопросъ этотъ снова разсматривался другимъ комитетомъ при штабѣ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Восточная война была причиною прекращенія всякаго дѣлопроизводства по сему предмету.

Въ мартѣ 1856 года, т. е. по окончаніи восточной войны, князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ представилъ записку о состояніи нашей кавалеріи, которая была препровождена, по Высочайшему повелѣнію, на заключеніе гр. Ридигера. Послѣдній, выражая свое мнѣніе по сему поводу, впервые возбудилъ вопросъ о кавалерійской академіи, въ маѣ того же 1856 г., письмомъ на имя воен. министра для всеподданнѣйшаго доклада. Позднѣе, баронъ Оффенбергъ предложилъ учредить кавалерійское офицерское училище въ Елисаветградѣ, что удостоилось окончательнаго Высочайшаго утвержденія на основаніи доклада по инспекторскому департаменту. Всѣ эти и другія, относящіяся къ вопросу, данныя, подробно изложены въ статьѣ, помѣщенной, по желанію А. Д. Герштенцвейга, въ «Военномъ Сборникѣ» за 1858 годъ, № 3, подъ заглавіемъ: «Объ учрежденіи офицерскаго кавалерійскаго училища въ Елисаветградѣ». На эту статью я ссылаюсь въ своей замѣткѣ, говоря о кавалерійской академіи; слѣдовательно, я зналъ о проектѣ генераль-лейтенанта Броневского.

Относительно юнкерскихъ школъ должно сказать, что вопросъ былъ возбужденъ равномѣрно графомъ Ридигеромъ и представленны имъ черезъ военнаго министра главныя основанія положенія для этихъ заведеній были дѣйствительно Высочайше утверждены 1-го мая 1856 года. Разработка вопроса, получившаго такимъ образомъ только Высочайше одобренное направленіе, была поручена комитету подъ предсѣдательствомъ графа Ридигера; членами комитета были назначены: министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Норовъ; генераль-адъютанты: Ростовцевъ, Котенинъ, графъ Барановъ, графъ Ламбергъ, генераль-лейтенанты: баронъ Энгельгардтъ, Бѣлявскій, свиты Его Величества генераль-маіоръ Милютинъ, полковники Карцевъ и Лебедевъ (послѣдній былъ членомъ-редакторомъ). Комитетъ въ этомъ составѣ имѣлъ одно только засѣданіе 13-го мая 1856 года, и конечно, не могъ признать главныхъ основаній положенія достаточно обра-

ботанными для приведенія въ исполненіе. Для доказательства выпишываю три параграфа изъ этихъ основаній, копія которыхъ у меня сохранилась.

«§ 7. Юнкерскія школы при легкыхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, находясь подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальниковъ дивизій, завѣдуются начальниками дивизионныхъ штабовъ.

«§ 8. Для командованія юнкерами въ сихъ школахъ избираются: одинъ штабъ-офицеръ, которому въ помощь назначается по одному офицеру изъ каждаго полка (изъ штатнаго числа офицеровъ той же дивизіи).

«§ 30. Преподающимъ въ школахъ опредѣляется вознагражденіе соразмѣрное съ ихъ трудами. Въ школахъ при пѣхотномъ корпусѣ (предполагались слѣдующіе преподаватели):¹⁾

Преподаватель тактики и устава, два его помощника, преподаватель военныхъ законовъ, его помощникъ, преподаватель исторіи, преподаватель географіи, преподаватель русскаго языка, помощникъ его, преподаватель математики, его помощникъ, преподаватель артиллеріи и фортификаціи, преподаватель топографіи (при съемкахъ въ помощь ему назначаются корпусные топографы). Два преподавателя французскаго и нѣмецкаго языковъ. Учитель гимнастики, помощникъ, учитель фехтованія, помощникъ, а на всѣхъ этихъ лицъ предполагалось къ ежегодному по штату отпуску — всего 4,525 р.

«Всего же для школъ гренадерскихъ и 6 армейскихъ и кавалерійскихъ корпусовъ 36,200 р.

«Для школъ при кавалерійскомъ корпусѣ, вмѣстѣ учителя гимнастики и его помощника, назначается берейторъ — 300 р.

«Учителю вольтижированія и его помощнику 250 р. Черезъ это потребуются для школы при кавалерійскомъ корпусѣ 4,600 р. Для школъ въ Финляндіи при оренбургскомъ и сибирскомъ корпусахъ по 3,725 р. для каждаго, а для трехъ 11,175 г. При семи легкыхъ кавалерійскихъ дивизіяхъ, въ коихъ число юнкеровъ, вѣроятно, не будетъ превышать 40 человекъ, можно ограничиться однимъ учителями безъ ихъ помощниковъ, что составитъ для каждой школы 3,560 р.»

Изъ этой выписки изъ главныхъ основаній положенія о юнкерскихъ школахъ, оказывается, что по выведенному выше разсчету на 40 кавалерійскихъ юнкеровъ приходилось имѣть одного завѣдывающаго (начальникъ штаба дивизіи), 7 командующихъ (одинъ штабъ-офицеръ и по одному оберъ-офицеру изъ 6-ти полковъ дивизіи) и 13 преподавателей и учителей, а всего 20 человекъ или по одному на двухъ юнкеровъ.

Вскорѣ послѣ засѣданія комитета 13-го мая, въ которомъ были только распределены занятія членовъ, гр. Ридигеръ умеръ; генераль-адъютантъ Катенинъ и свиты его величества генераль-маіоръ Милютинъ получили новыя назначенія, недозволившія имъ принимать участіе въ дальнѣйшихъ трудахъ комитета.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1856 г. предсѣдателемъ комитета, на мѣсто гр. Ридигера, былъ назначенъ генераль-адъютантъ Плаутинъ. Послѣдній представилъ военному министру проектъ положенія о юнкерскихъ школахъ со штатами и программами при рапортѣ отъ 20-го мая 1857 г. за № 31. По этому проекту полагалось имѣть 42 школы для 2,990 юнкеровъ, а командующихъ,

¹⁾ Мы опускаемъ суммы, предложенныя каждому изъ этихъ чиновниковъ, а помѣщаемъ общую лишь сумму по проекту штата. Ред.

преподавателей и учителей содержать отъ 16-ти до 20-ти человекъ для каждой школы, всего около 750 человекъ. Раздѣливъ на это число, показанное выше, количество юнкеровъ, или 2,990, получится немного менѣе 4-хъ юнкеровъ на одного командующаго или наставника; слѣдовательно, говоря, что по проекту приходилось имѣть на трехъ юнкеровъ одного командира или наставника, моя ошибка была не такъ груба, какъ ее выставляеть Очевидецъ, потому что отношенія трехъ, или трехъ съ дробью, къ одному не составляютъ въ данномъ случаѣ особой разницы.

При разсмотрѣннн въ инспекторскомъ департаментѣ представленнаго проекта и приложенныхъ къ нему штатовъ, оказалось:

а) Что изчисленныя суммы, какъ потребныя для осуществленія дѣла, недостаточны. б) Что присвать начальниковъ и преподавателей для корпусныхъ школъ было возможно; но присваніе лицъ, вполнѣ соответствующихъ этому предназначенію для дивизионныхъ школъ (т. е., для большинства проектируемыхъ), было не только затруднительно, но даже невозможно. в) Что случаи передвиженія войскъ обуславливающіе закрытіе, иногда на долгое время, школъ не были приняты въ соображеніе комитетомъ; между тѣмъ подобныя случаи могли вредно отзывать на успѣхъ какъ преподаванія, такъ и всего дѣла. г) Что отводъ помѣщеній для школъ, ихъ отопленіе и освѣщеніе требовали установленія новаго налога на земство; подобное мѣропріятіе вызвало обсужденіе и разрѣшеніе вопроса въ законодательномъ порядкѣ черезъ государственный совѣтъ (статья 9 я и 11-я, т. IV Зак. Гражд. Устава о Земскихъ повинностяхъ). д) Что учрежденіе школъ, обуславливающее производство юнкеровъ и вольноопредѣляющихся по мѣрѣ ихъ научныхъ успѣховъ, вызвало пересмотръ и измѣненіе коренныхъ законовъ о службѣ этихъ лицъ сообразно съ ихъ правами по происхожденію.

Всѣ эти условія, имѣвшія неоспоримо важное значеніе, обуславливали необходимость болѣе подробнаго изученія веѣхъ вопросовъ, относящихся къ дѣлу, со стороны дежурнаго генерала, обязаннаго привести его въ исполненіе и отвѣчающаго за послѣдствія.

По представленіямъ А. Д. Герштенцвейга для содержанія существовавшей уже юнкерской школы при 4-мъ корпусѣ, была отпущена необходимая сумма и въ смѣту военнаго министерства была вносима на 1858 и 1859 гг. къ условному отпуску, сумма для предполагавшихся къ учрежденію юнкерскихъ школъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ инспекторскомъ департаментѣ разрабатывался новый проектъ положенія для сихъ заведеній.

Изъ этого краткаго изложенія историческаго хода дѣла, ясно видно, что дѣло объ юнкерскихъ школахъ при А. Д. Герштенцвейгѣ не лежалъ подъ сукномъ какъ то продолжаетъ увѣрять Очевидецъ въ XII-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1874 г.

М. Золотаревъ.

Поправка. Въ статьѣ «Калиостро», на стр. 82-й, по ошибкѣ, показано въ каталогѣ: Russica не то сочиненіе, которое въ немъ находится: «Confessions, avec l'histoire de ses voyages en Russie» ect. Caire, 1787, par le C-te de Calioistro».